

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

«АНТИСОЦИОЛОГИЯ» АЛЕНА ТУРЕНА

Л.Ю. Бронзино

Кафедра социологии
Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Современный французский социолог А. Турен, творчеству которого посвящена статья, является одним из критиков классической социологии, формулирующим принципы «антисоциологии» и создающим «социологию действия». На этой основе он описывает будущее общественное состояние, получившее название «программируемого общества».

Французский социолог Ален Турен — яркий представитель «социологии кризиса»; его идеи радикальны и бескомпромиссны. Первое, что делает Турен, это фиксирует кризисное состояние современной социальной науки, что представляется ему неизбежным на данном этапе ее развития, но не безнадежным. Социология возродится, если не просто осознает свое кризисное состояние и опишет кризис самого общества, но и поймет, что единственный выход для нее — «возвращение к человеку». Турен откровенно пропагандирует «антисоциологию», утверждая, что именно построение классических социологических систем и привело к кризису. Таким образом, в лице французского мыслителя мы встречаем, с одной стороны, радикального критика современного общества и современной же социологии, с другой — апологета неклассической социологии, разработавшего ее оригинальную версию.

Основные работы А. Турена — «Социология действия» (1965), «Возвращение человека действующего. Очерк социологии» (1984), «Создание программированного общества» (1973), «Постиндустриальное общество» (1969). Наибольшую известность в нашей стране получила книга «Возвращение человека действующего», с анализа которой и следует, по нашему мнению, начать анализ его творчества.

Основу книги Турена «Возвращение человека действующего» составили уже опубликованные статьи и очерки, самый ранний из которых, если верить признаниям самого автора, относится к 1973 г., а самый поздний — к 1984. Длительный срок создания книги и множественность заложенных в ней идей

не делают ее эклектичной — Турен с удивительной последовательностью проводит в работе самую важную для себя мысль — о необходимости создания новой социологии, социологии действия: «Завтра, вероятно, возникнут общественные движения и политические переговоры, сегодняшний день отличается не только разложением прошлого и общим ощущением кризиса, но и призывом к субъекту, к необходимости поставить под сомнение все формы социальной организации и к требованию творческой свободы».

Данная книга приурочена в точности к этому моменту. Она не содержит только размышления о возвращении действующего лица, она готовит его появление» [10. С. 199]. Сам автор — человек действующий, в том смысле, что он — человек дела. Он верит в действенность теории, ее способность влиять на общественное сознание и общественные отношения. С излишней, возможно, горячностью он проповедует создание социальной концепции, которая может не только изменить представления об обществе, но и сделать его более совершенным. При этом идеи Турена отнюдь не выглядят утопичными. Он не строит проектов прекрасного будущего, а лишь фиксирует специфику настоящего — современного индустриального общества, пытаясь выявить тенденции его развития. А это возможно только в том случае, когда существует теория, способная описать социальную реальность в ее единстве и многообразии. Классическая социология этого не может, поэтому первая задача — проанализировать ее недостатки.

Главной ошибкой классической социологии, утверждает Турен, является ее приверженность к созданию систематического описания социальной жизни с помощью понятий «институт» и «социализация», связанных воедино понятием роли. Разумеется, такой подход к социологии — заслуга Т. Парсонса. Только вот личность, которую пытались описать с помощью этой системы, без конца вырывалась за ее рамки, главное действующее лицо ролевого спектакля отказывалось действовать в соответствии с написанным сценарием, портило почти идеальную картину социальной реальности. Что оставалось делать социологии в таких условиях? Лишь выделить человека и попытаться проанализировать его вне системы, но тут опять возникли проблемы: под понятие «системы» попала вся совокупность социально-экономических связей человека. Такой человек, конечно, Личность в самом высоком смысле этого слова, да только в социальной реальности абсолютно автономных и независимых людей отчего-то не обнаруживается. Тогда возникает другая крайность — «описание системы без действующих лиц». Но опять же: где взять такую систему, чтобы ее описать? И социология снова получает вопросы, на которые не может найти ответов.

Кроме того, наличие системы всегда предполагает изначальное единство описываемых явлений. Оглядываясь назад, ретроспективно, такое единство можно обнаружить — можно найти смысл истории, но как искать смысл настоящего, учитывая многообразие феноменов культуры и непрерывную трансформацию современности? В изменившемся обществе необходимо заменить центральные понятия общества, эволюции и роли на понятия историчности, общественного движения и субъекта. «Главная помеха такой реконструкции заключается, несом-

ненно, в том, что действующие лица общества смогли в „историческом“ прошлом... организовать общественную сцену и разыгрывать на ней имеющие смысл и некоторое единство пьесы только в той мере, в какой главный смысл их отношений помещался над ними, был метасоциальным, некоторые сказали бы — священным. Такова модель общества, сконструированная классической социологией...» [10. С. 9]. Но мир давно секуляризован, а раз священного не осталось, то и не может быть внешнего по отношению к миру смысла. Очевидно, что если нет внешнего смысла, то его следует искать внутри самой социальной реальности. Ответу на вопрос о возможности этого и посвящена работа Турена.

Общество трансформировалась, а социальная мысль не поспевает измениться вместе с социумом — таков лейтмотив французского социолога. Классическая модель все еще популярна постольку, поскольку она привлекательна для многих ученых. Для Турена это свидетельствует о лености разума и наличии «соблазна» в классической модели. Соблазн понимать и предсказывать на основе привычных формул, хотя и не работающих уже. Еще более соблазнительна «постисторическая» мысль с идеями полной деконструкции всего, апологией различия, разрывом отношений, поиском неповторимого и уникального: «Сопротивляться соблазну „постисторической“ мысли может быть более трудно. Когда самые старые индустриальные страны, чувствуя утрату скорости и лишившись своей прежней гегемонии, сомневаются в самих себе, становится понятной привлекательность социологии перманентного кризиса, непреодолимое влечение к идее декаданса. Поиск удовольствия, но также различия, эфемерного, встречи, скорее, чем отношения, идея чисто „разрешающего“ общества придают мышлению и общественному поведению нашего времени ту игру цвета, то немного принужденное возбуждение, которое напоминает карнавалы, вновь появившиеся у нас зимой после векового отсутствия» [10. С. 8]. Как истинный француз, Турен не предлагает отказаться от столь красивой картины декадансного разложения и в обществе, и в социальной науке, не приводит аргументов против «постисторических» теорий — они-то уж точно лишены всякой «классичности».

Другой порок социологии — ее связь с идеологией. По мнению Турена, предметом социологии являются одновременно политические и социальные системы. То, что воспринимается как необходимый порядок, в действительности есть лишь принятая идеологическая система, при которой социологическая концепция играет роль теоретической базы (в качестве наиболее яркого примера Турен называет социологию Парсонса, которая была «зеркалом» США). Это идеология центра, общественной интеграции, идентификации национально-культурного сообщества с современностью. А результат тот же — не остается пространства для действующих субъектов, которые только носят определенный набор качеств в соответствии с местом в социальной иерархии и предписанной ролью и интересуют социологию только с одной точки зрения: способствуют они прогрессу, понимаемому как непрестанное совершенствование существующей социальной организации, или нет. Действующее же лицо, по мысли Турена, должно занимать промежуточное положение между Разумом, воплощением которого

является социологическая система, и идеологией, которой субъекту необходимо противостоять.

Таков марксистский подход к личности, которая в этой трактовке подавлена экономическим детерминизмом. Другой вариант, правда, с тем же негативным результатом, предлагает функционалистская социология: «Она заменяет коллективные действующие лица категориями, уровнями, стратами, или другими статистическими ансамблями, определяемыми уровнем социального участия» [10. С. 14].

На смену классической социологии пришла критическая, которую Турен не без оснований называет «антисоциологией». Она выявила за порядком насилие и репрессии, открыла в рациональной модернизации иррациональность. Главной идеей стало отделение системы от действующего лица — индивид, скорее, нуждается в защите от системы, чем в институализированных способах социализации. Личность, будучи основной ценностью, учится жить так, чтобы система, в первую очередь в лице государства, ей не мешала. От индивида уже не требуется четкого осознания принадлежности к социальной группе — важно осознание самости и стремление к сохранению уникальности. «Наконец, что особенно важно, оказались разделенными нормы функционирования общества и историческое развитие. Историческое изменение не определяется уже как прогресс или модернизация, а как совокупность стратегий, стремящихся оптимизировать употребление ограниченных ресурсов и контролировать зоны неопределенности» [10. С. 15].

Социальность была заменена политикой, принявшей одну из двух форм: тоталитаризм или бюрократическая власть, борющаяся на политическом рынке. Все это разрушает классическую социологию, так как радикальным образом меняется предмет анализа социальной реальности. Как утверждает Турен, последствия этого разрушения многообразны и сложны, но несут в себе необходимую для науки «свежую струю»: «Прежде всего, финализм, свойственный современности, уступает место более научному анализу общественных отношений. На руинах связанных между собой эволюционизма и функционализма вырастает такой анализ культуры, экономики и даже общественных систем, который исключает всякое обращение к природе общества или к смыслу истории. «Общество» перестает быть объектом социологии, им становятся поведения и общественные отношения» [10. С. 16]. «Общество» — понятие бессодержательное, противоречивое, таковой становится, следовательно, и наука об обществе. Тогда вполне можно считать социологию исторически сформировавшимся в капиталистическом обществе способом осмысления общества. Трансформация социума приводит к трансформации способа ее осмысления, так и возникает «антисоциология».

При этом Турен вовсе не проповедует, как это, казалось бы, должно происходить, индивидуализм и полное освобождение человека от общества. Несмотря на очевидную эмоциональность его высказываний, построения не теряют логичности и, что самое главное, не противоречат здравому смыслу. А требовать полной свободы человека от общества означает бороться с ветряными мельни-

цами — человек связан с социальной средой, и абсолютная автономия для него невозможна: не может быть, потому что никогда не может быть. Так что и не стоит настаивать на разрушении всякого принципа единства общественной жизни. Просто необходимо «новое представление об общественной жизни». Согласно этому представлению, следует выделить в понятии общества те составляющие, которые всегда являлись его неотъемлемыми атрибутами, прежде всего культуру. Так возникнет новый субъект общественных отношений — общественные движения, в терминологии Турена. Ф. Коркюф, автор любопытной работы «Новые социологии», так описывает эту идею Турена: «Социология действия, разрабатываемая Аленом Туренном с начала 1960-х годов, является не социологией локализованного действия, рассматриваемого сквозь череду действий и взаимодействий, а подходом к общим историческим рамкам действия» [4. С. 145].

Именно такой подход диктует нарождающееся гражданское общество. Турен понимает под ним общество, в котором большое число людей участвует в социальной жизни и настаивает, что классическая социология отождествляет понятия гражданского общества и государства (строго говоря, он, конечно, не прав, но здесь необходимо учитывать, как автор трактует каждое из этих понятий).

Турен предлагает отказаться от привычного противопоставления теорий Маркса и Вебера и объединить идеи господства (Маркс) и ценности (Вебер). «Социология действия отбрасывает такое объяснение действующего лица посредством указания на его место в системе. Напротив, она видит во всякой ситуации результат отношений между действующими лицами, имеющими определенные культурные ориентации и включенными в социальные конфликты. Если она придает решающее значение понятию социального движения, то это потому, что не представляет собой ответа на некую ситуацию, а ставит под вопрос отношения господства, позволяющие действующему лицу — можно назвать его правящим классом — управлять главными наличными культурными ресурсами» [10. С. 21]. Вот что получается у Турена от «скрещивания» Маркса с Вебером (вряд ли кому-то из этих уважаемых классиков понравилась бы такая трактовка). Однако теперь есть главное для социологии действия, о которой мечтал Турен, что способно «прояснить» «помрачение» общественной мысли, наблюдаемое, по его мнению, в последнее время. От антисоциологии можно перейти к социологии действия.

Ключевым понятием теории Турена является, разумеется, категория «социальное действие»: «Вместо того, чтобы искать гарантов, то есть принципы легитимации человеческого действия в отношении вещей вне человеческого мира — в божественной благодати, в требованиях разума или в смысле истории, общество, достигшее самого высокого уровня историчности, определяет человека только в понятиях действий и отношений» [10. С. 19]. Действию не нужны внешние определения, как не нужны и изначально заданные нормы действия в обществе.

Разумеется, акционизм Турена отнюдь не первая попытка построения социологии действия: вспомним хотя бы Вебера. Однако в трактовке последнего задачей социологии было выявление субъективного смысла действия, тогда как

Турена интересует не сознание актора, а совокупность социальных отношений, в которые он вовлечен. Причем это — не марксистский подход и разница здесь — в точке зрения. Маркс судит с позиции класса, Турен — с позиции индивида. Более того, понятие «действие» относится не только к отдельному субъекту, но и к социальным группам различного уровня — это деятельность «исторического субъекта». Поскольку Турен ставит перед собой задачу объяснить развитие общества как результат взаимосвязи действия и ценностно-нормативных систем, главным фактором, влияющим на действие, становится культура. А предметом анализа выступает не функционирование социальных систем, а «образование исторического действия» — способа, которым люди делают историю.

Так, общество представляет собой совокупность систем действия. Турен выделяет три системы действия: историчность, институциональную систему и организационную систему. Институциональная система вызывает изменения общества — тип институализации определяет тип трансформаций, происходящих в социуме. Организационная система обеспечивает равновесие общества, способствует сохранению его целостности.

Историчность определяет социальные и культурные ориентации общества и является для Турена важнейшей, поскольку именно она позволяет избавиться от редукционизма, которым больна социология (сведения общества к менее сложным типам): «Историчность не является ни идеей, ни материальной ситуацией; она сущность социального действия» [20. Р. 27]. Историчность — это действие, препятствующее воспроизводству существующего порядка. Она является залогом развития общества, поскольку сама же задает ориентиры этого развития. Конфликты, которые происходят в обществе, представляют собой борьбу за контроль над историчностью. Управление всегда осуществляет правящий класс, прочие же стремятся к управлению.

Степень историчности в различных обществах отличается. Если общество изменяется только на уровне потребления, то есть все имеющиеся ресурсы использует экстенсивно и направляет на получение максимального количества продукции, то его можно определить как аграрное.

Другой тип общества — торговое. Здесь самоизменение происходит на уровне потребления. Организация и легализация торговли приводит к специализации и дифференциации. Однако в подобном обществе всегда очень сильны корпоративные и профессиональные традиции, и этот консерватизм задает определенные границы развития.

Когда историчность проникает за пределы сфер потребления и распределения — в производство — возникает индустриальное общество. Все ресурсы теперь направляются на организацию производства. Но Турен подчеркивает, что речь не идет об инвестициях в науку и технику — только о более совершенной организации процесса труда.

Следовательно, должно существовать постиндустриальное общество, в котором инвестиции направляются на производство средств производства, причем это касается производства в целом, поскольку действие затрагивает две главные

сферы: науку и технику и управление производством, которое теперь использует сложные системы информации и коммуникации.

Из схемы развития обществ, данной Туреном, очевидно, что социальная эволюция не образует единую непрерывную линию, направленную к «светлому будущему». Не случайно он ставил перед собой задачу создания социологии, избавленной от эволюционизма и финализма. Поэтому каждой новой системе исторического действия соответствуют качественно различные способы познания, типы накопления и культурные модели. Тем не менее, в обществе, достигшем определенного уровня историчности, продолжают существовать ее более низкие уровни, характерные для предшествующего этапа. Именно такой подход соответствует туреновскому антиэволюционизму. Вообще, развитие не может проходить последовательно и постепенно, без революционных скачков. Причем конфликты в обществе остаются всегда — меняются лишь их характеристики и участники. Конфликт рассматривается Туреном как вечный источник развития.

Заметим еще один немаловажный для Турена момент. Он полагает, что понятие «постиндустриальное» не слишком хорошо подходит для того типа общества, приметы которого он замечает во Франции 60-х гг. XX в. Такое название ориентировано на определенную технологию, хотя это и не слишком ярко выражено (и, кстати, многих социальных исследователей, например Д. Белла, термин вполне устраивал). Но какова бы ни была историческая важность техники, вряд ли стоит давать ей столь большие привилегии, — утверждает Турен. Разумнее обозначить новый тип общества как «программируемое»: это указывает на его способность создавать модели управления производством, организацией, распределением и потреблением.

Появление постиндустриального общества не было спровоцировано влиянием извне — это даже не похоже на действие законов истории. Такой тип социальной организации мог возникнуть только благодаря воздействию общества на самого себя: действие высокого уровня историчности, развитой социумом, на социум. И это подтверждают основные характеристики программированного общества. Постиндустриальное общество, по мнению Турена, представляет собой общество информации и коммуникации. Ясно, что тот, кто владеет информацией, владеет миром. В интерпретации Турена — управляет миром. Управляет постольку, поскольку сегодня индивиды вовлечены в управляемые коллективы не только на производстве, как это было в индустриальном обществе, но и во всех сферах жизнедеятельности.

В отличие от многих теоретиков постиндустриального общества, Турен не склонен видеть в происходящих изменениях катастрофу. Он полагает, что программируемое общество вовсе не предполагает унификацию и стандартизацию жизни. Скорее, напротив, оно предоставляет больший объем информации большему количеству людей, давая, тем самым, свободу выбора. Выбор касается всего: любых товаров и услуг, политики, образования, искусства. Нельзя обвинять средства массовой информации в том, что они сделали доступным такое многообразие.

В программируемом обществе экономика теряет свое особое положение детерминанты всякого социального явления. Теперь она сама слишком зависима от знания, образования, информации и от культуры в целом. Изменяется и социальная структура общества, определяемого уже не совокупностью экономических отношений (марксовым наличием или отсутствием собственности), а социальными факторами. Вопрос о социальной структуре — это всегда проблема выбора критерия стратификации. Из понятия программируемого общества ясно, что таким критерием может быть только образование и доступ к источникам информации. Тогда правящим классом являются социальные группы, обладающие лучшим образованием и максимальным объемом знаний. В терминологии Турена это — меритократия. Среди этих людей большинство добивается лидирующего положения в обществе благодаря собственным способностям и личным талантам, однако эта элитная группа носит закрытый характер, старается не допускать чужих.

Технократы (меритократия) нуждаются в бюрократической организации, поэтому следующей по влиянию и степени доступности информации группой становятся бюрократы — профессиональные управленцы. Кроме этого, в программируемом обществе имеется достаточно большая, но разобщенная группа технических служащих — обслуживающего персонала. Всем им противостоит рабочий класс — те, кто непосредственно трудится на производстве. Однако, при всем своем радикализме и «левизне», Турен не считает рабочих классом, способным к революционным преобразованиям, тем более что в современном обществе конфликты возникают не по поводу перераспределения собственности, а за обладание историчностью — способностью инициировать социальные изменения. Борьба между знанием, профессионализмом (меритократией) и бюрократией, неспособной к интеллектуальному творчеству, но организующей механизм управления обществом — вот основной конфликт нашего времени.

Итак, концепция А. Турена содержит следующие основные положения:

- анализ недостатков классической социологической теории, приведший к возникновению «антисоциологии»;
- положение о необходимости возвращения субъекта в предметное поле социологического знания;
- социология, адекватная современной социокультурной ситуации, может быть только социологией действия;
- начиная с 60-х гг. XX в., исследователи фиксируют возникновение общества нового типа. Это постиндустриальное (программируемое) общество, в котором лидирующее положение занимает информация (возможность обладать знанием).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. — СПб., 1996.
- [2] История теоретической социологии. В 4 т. — Т. 4. — СПб., 2000.
- [3] Капитонов Э.А. Социология XX века. — Ростов-на-Дону, 1996.

- [4] *Коркюф Ф.* Новые социологии. — М.-СПб., 2002.
- [5] *Курбатов В.И.* Современная западная социология. — Ростов-на-Дону, 2001.
- [6] *Мецзякова Л.Ю.* Современный социальный дискурс: постмодернизм в контексте неклассических социологических теорий. — М., 2005.
- [7] *Очерки по истории теоретической социологии XX столетия.* — М., 1994.
- [8] *Парсонс Т.* О структуре социального действия. — М., 2000.
- [9] *Социология на пороге XX века: основные направления исследований.* — М., 1999.
- [10] *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. — М., 1998.
- [11] *Турен А.* Демократический субъект в современном обществе // *Социология на пороге XXI века: основные направления исследований.* — М., 1999.
- [12] *Турен А.* От обмена к коммуникации: рождение программируемого общества // *Новая технократическая волна на Западе.* — М., 1986.
- [13] *Турен А.* Способны ли мы жить вместе? // *Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология.* — М., 1999.
- [14] *Федорченко П.В.* Классическая социология и современная теория // *Философская и социологическая мысль.* — 1995. — № 1—2.
- [15] *Хольцман Л.* Как сделать постмодернизм деятельностью // *Вопросы философии.* — 2006. — № 12.
- [16] *Яковец Ю.В.* Формирование постиндустриальной парадигмы // *Вопросы философии.* — 1997. — № 1.
- [17] *Effets et méfaits de la modernisation dans la crise.* — Paris, 1998.
- [18] *Touraine A.* La société post-industrielle. — Paris, 1969.
- [19] *Touraine A.* Pour la sociologie. — Paris, 1974.
- [20] *Touraine A.* Production de la société. — P., 1973.

ALAIN TOURAINE'S «ANTISOCIOLOGY»

L.U. Bronzino

The Department of Sociology
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article is dedicated to the works of A. Touraine, who was one of the critics of classical sociology. He formulated the principles of «antisociology» and created «sociology of action» which helped him describe future social status, known as «programmable society».